

Наталья Мазур

ДЖОРДЖ ЛАХМАНН МОССЕ: ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ИСТОРИЕЙ*

Мазур Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, переводчик, профессор Школы искусств и культурного наследия Европейского университета в Санкт-Петербурге; nmazur@eu.spb.ru

Аннотация: Статья представляет собой краткий очерк интеллектуальной биографии одного из ведущих культурных историков второй половины XX века, Джорджа Лахманна Моссе (1918–1999). Автор прослеживает связь между основными темами исторических исследований Моссе и его судьбой еврейского интеллектуала, юношей бежавшего из нацистской Германии, перед Второй мировой войной вынужденно покинувшего Англию и продолжавшего ощущать себя «вечным эмигрантом», даже став профессором американского университета. В основных книгах Моссе, краткая характеристика которых дана в этой статье, он с разных точек зрения и на разном материале искал ответы на вопрос, определивший его собственную судьбу и судьбу его народа: почему фашизм так легко завоевал поддержку масс во многих европейских странах. В итоге Моссе описал интеллектуальные, культурные и визуальных истоки фашистской идеологии и показал, как философия Просвещения и романтический национализм, усвоенные и трансформированные в массовой культуре и расовых теориях, стали неотъемлемой частью фашистского мировоззрения. В статье уделено особое внимание последней книге Мос-

Mazur Natalia Nikolaevna, Candidate of Philological Sciences, Translator, Professor of School of Arts and Cultural Heritage of European University at St.-Petersburg; nmazur@eu.spb.ru

Abstract: The article presents a brief outline of the intellectual biography of one of the leading cultural historians of the second half of the XX century, George Lachmann Mosse (1918–1999). The author describes the correlation between the main themes of Mosse's historical research and his fate as a Jewish intellectual, a young man who fled Nazi Germany. Before World War II, he was forced to leave England and continued to feel like an «eternal emigrant», even becoming a professor at an American university. The article also provides a brief characteristic of Mosse's main books. The scientist, from different points of view and using different materials, sought answers to the question that determined his own fate and the fate of his fellow citizens: why fascism so easily won the support of the masses in many European countries. Mosse ultimately described the intellectual, cultural, and visual origins of fascist ideology and showed how Enlightenment philosophy and romantic nationalism, assimilated and transformed into popular culture and racial theories, became an integral part of the fascist worldview. The article pays special attention to Mosse's latest book "The Image of a Man: The Creation of Modern Masculinity" (1996), in which the connection of Mosse's methodology with

* Благодарим Европейский университет в Санкт-Петербурге за разрешение опубликовать предисловие Натальи Мазур и введение Дж. Л. Моссе к его книге «Образ мужчины: История современной маскулинности», русский перевод которой вышел в издательстве ЕУСПб в 2023 году.

се «Образ мужчины. История современной маскулинности» (1996), в которой ярко проявилась связь методологии Моссе с традицией культурно-исторической школы, заложенными Я. Буркхардтом и продолженными Й. Хёйзингой с их острым интересом к визуальной культуре и культурным стереотипам как ключевым инструментам воздействия на коллективное сознание.

Ключевые слова: Джордж Моссе, культурная история, фашизм, антисемитизм.

DOI: 10.33280/3034-3216.2024.30.59.009

the tradition of the cultural-historical school, laid down by J. Burckhardt and continued by J. Huizinga with their keen interest in visual culture and cultural stereotypes as key tools for influencing collective consciousness, was clearly demonstrated.

Keywords: George Mosse, cultural history, fascism, anti-Semitism.

Natalia Nikolaevna Mazur

George Lachmann Mosse: Confronting History

Всю жизнь я быть хотел как все,
Но век в своей красе
Сильнее моего нитья
И хочет быть, как я.

Борис Пастернак

Джордж Л. Моссе считал, что студент-историк «добивается максимального успеха, если с предметом исследования он связан лично или хотя бы эмоционально»¹. С этой точки зрения последнюю книгу Моссе, которую мы представляем русскому читателю, можно назвать его лучшей работой, поскольку в ней ярче всего отразился его собственный жизненный опыт, поверенный выводами из его предшествующих книг.

Герхард Лахманн-Моссе родился 20 сентября 1918 года в Берлине в просвещенной, влиятельной и богатой еврейской семье². Своим состоянием она была обязана уму и предприимчивости его деда по материнской линии, Рудольфа Моссе (1843–1920): еще совсем молодым человеком в 1867 году тот основал одно из первых немецких рекламных агентств, а затем стал финансировать периодические издания. Среди принадлежавших ему газет были популярные берлинские ежедневники — “Berliner Tageblatt” (основан в 1872 году) и “Berliner Morgenzeitung” (основан в 1889-м). В начале XX века Рудольф Моссе входил в тройку главных берлинских газетных магнатов. И сам он, и другие члены его семьи были убежденными либералами, поддерживали Веймарскую республику и выступали за еврейскую ассимиляцию. Когда маленький Герхард внезапно заявил, что хотел бы стать раввином, отец велел шоферу свозить его в берлинские кварталы,

1 Response by George Mosse // George Mosse: On the occasion of his retirement. 17.06.1985. Jerusalem, 1986. P. XXVIII.

2 Основные биографические сведения о Моссе взяты из его мемуаров с характерным названием «Лицом к лицу с историей»: Mosse G. L. Confronting History: A Memoir. Madison, 2000. О его семье см.: Kraus E. Die Familie Mosse: deutsch-jüdisches Bürgertum im 19. und 20. Jahrhundert. München, 1999.

населенные неассимилированными евреями из Восточной Европы, а потом спросил, хочет ли он быть похожим на них. Пораженный бедностью, теснотой и странностью этой жизни, тот ответил: «Конечно, нет»³.

Однако статья образцовым немецким мальчиком ему тоже не удалось: в знаменитой берлинской гимназии Моммзена он проучился всего год. Мертвящий дух немецких гимназий того времени, так выразительно описанный в этой книге, был знаком ему не понаслышке. Герхарду не пришлось по душе ни железная дисциплина, ни изнурительная зубрежка, к которой свелось изучение античной культуры. Когда после войны Моссе, к тому времени уже преподававший в университете Айовы, навестил свою старую директрису в Берлине, она изумилась тому, что такой нерадивый ученик стал профессором⁴. Справедливости ради следует сказать, что нелюбовь к педантической учености Моссе сохранил на всю жизнь: этот мастер больших концепций мало заботился о точности в деталях. Давний коллега и редактор Моссе в “*Journal of Contemporary History*” Вальтер Лакер писал, что тот «не был ни святым, ни перфекционистом. Он делал ошибки в правописании во всех языках ... и был царственно небрежен с историческими данными. В воспоминаниях о своих родителях Моссе упомянул, что его отец в 1919 году пригласил выступить в Берлине Эдит Пиаф. Я заметил, что это маловероятно, поскольку Пиаф в тот момент было всего пять лет. Возможно, это была Иветта Гильбер или Мистангетт? Да, конечно, — отвечал он, — но разве в этом суть?»⁵ А суть, действительно, заключалась в демонстративном характере самого поступка: пригласить культурную французскую певицу выступить в столице побежденной Германии мог только убежденный и храбрый интернационалист.

Отец забрал Герхарда из гимназии Моммзена и отправил в школу-интернат в замке Залем на озере Констанц, которую при поддержке принца Максимилиана Баденского в 1920 году открыл незаурядный педагог Курт Хан (еще один представитель эмансипированного и просвещенного берлинского еврейства).

3 См. его интервью Ирэн Рунге и Уве Штельбринку под названием «Я остаюсь эмигрантом»: “*Ich bleibe Emigrant*”: Gespräch mit George L. Mosse. Berlin, 1991. S. 25.

4 Mosse G. L. *Confronting History*. P. 149.

5 Laqueur W. *Foreward* // Mosse G. L. *Confronting History*. P. XI.

Задачей залемской школы было формирование новой национальной элиты для обновленной Германии. Она была гораздо больше похожа на английские частные школы, чем на немецкие гимназии: первичным считалось не образование, а формирование характера; в учениках воспитывали силу духа, стойкость, ответственность и патриотизм. Моссе вспоминал, что в Залеме он впервые испытал на себе мощное обаяние национализма: прекрасные немецкие пейзажи, дух исторического прошлого, заключенный в барочной архитектуре, культ великой литературы — все это рождало захватывающее чувство национальной общности⁶. Однако верить в свою причастность к немецкой нации Герхарду пришлось недолго: гуманистический патриотизм залемского образца оказался несовместим с нацистским режимом. Курт Хан выступил с критикой Гитлера, в марте 1933 года был арестован и только благодаря вмешательству влиятельных английских политиков смог уехать в Великобританию. Залемские уроки не прошли даром: 31 марта 1933 года пятнадцатилетний Герхард Моссе успел сесть на паром, идущий в Швейцарию, за несколько часов до того, как вступил в силу закон, ограничивавший эмиграцию евреев.

После прихода к власти Гитлера семья Моссе перебралась во Францию, а сам он в 1934 году поехал учиться в Англию. На этот раз он оказался в частной школе в Йорке, созданной квакерами в 1823 году, где также культивировалось чувство общности (девизом школы служило изречение Сенеки “*Membra sumus corporis magni*”, «Все мы члены большого тела»). Сравнение немецких и английских школ, проведенное в «Образе мужчины», как и наблюдения о важности евангелического духа для формирования английского идеала мужественности, основаны на личном опыте. Не сумевший стать образцовым немцем, Герхард попытался ассимилироваться в Англии. Он стал называть себя Джорджем, сократил откровенно еврейскую фамилию отца — Лахманн — до инициала, а фамилию деда произносил на английский манер; так Герхард Лахманн-Моссе превратился в Джорджа Л. Мосси. Правда, он так и не смог полюбить командные виды спорта, милые сердцу всякого англичанина, зато увлекся «Историей Англии» Джорджа М. Тревелльяна. В 1937 году

---

6 Mosse G. L. *Confronting History*. P. 70.

он за компанию с приятелями поступил в Кембридж, чтобы заниматься историей, хотя еще не был уверен в своем будущем, но история, как он писал в мемуарах, тогда считалась «самым подходящим предметом для джентльмена», не решившего, в чем состоит его настоящее призвание⁷. В августе 1939 года он поехал к отцу в Америку, уверенный, что скоро вернется в Англию, но война сделала это невозможным. Если из Германии ему пришлось бежать из-за еврейского происхождения, то в Англии он рисковал быть интернированным как немец. Попытка ассимиляции снова потерпела неудачу.

В США Моссе закончил бакалавриат в Хаверфордском колледже, также созданном квакерами, а докторскую степень по истории получил в 1946 году в Гарварде. Его первые исследования были посвящены формированию борьбе короля с парламентом за суверенную власть в Англии от елизаветинских времен до начала XX века и истории Реформации. По его словам, все это были «предметы почтенные и магистральные для того времени» и, что самое главное,

...они были очень далеки от моей семейной истории, возможно, потому что я подсознательно пытался стать своим в новой для меня англо-саксонской среде. <...> Прошло без малого двадцать лет с моего приезда в Америку, прежде чем я перестал погружаться в почтенные англо-саксонские сюжеты, чтобы позабыть о своем прошлом изгоя.⁸

Правда, еще в 1944 году Моссе начал читать курс по истории западной цивилизации в университете Айовы — на курсах для американских военных, которых отправляли в Европу. Не говорить о нацизме и фашизме с солдатами, которым предстояло столкнуться лицом к лицу с их последствиями, было невозможно, и, как вспоминал Моссе, «уже тогда я начинал ... задумываться об изучении национал-социализма — предмета, которого я так старательно избегал, скорее всего, потому что он касался меня лично»⁹. Опыт преподавания в такой аудитории не прошел

---

7 Mosse G. L. *Confronting History*. P. 94.

8 Ibid. P. 142.

9 Ibid.

даром: возможно, именно здесь Моссе научился о самых сложных предметах, вроде европейской философии, говорить логично и ясно, избегая теоретической и терминологической перегруженности. В Айове он разработал обзорный курс по истории западной цивилизации для первокурсников и активно выступал за включение таких курсов в университетские программы. Это был его первый опыт борьбы за изучение истории как прививку от ксенофобии и политической незрелости (как он писал: «Мне всегда казалось, что для того, чтобы студенты усвоили историю, им нужно показать, что она имеет прямое отношение к их жизни, что это не просто интересный рассказ о войнах, приключениях и королях»¹⁰). Его «Введение в культуру Западной Европы XIX–XX веков», Написанное на основании этого курса, с 1961-го по 1997 год вышло пятью изданиями в США и в Европе¹¹, и каждое из этих изданий он уточнял и дополнял.

Он оказался прекрасным лектором: даже курсы по истории Реформации он читал с пылом проповедника или политического оратора. Один из его студентов вспоминал:

Стиль его лекций был не просто театральным, он был тесно связан с насущными интересами студентов. Характерным жестом он обеими руками вцеплялся в кафедру, широко расставив руки и выпрямившись, словно аккумулируя в себе интеллектуальную и моральную энергию; бросал кафедру и начинал медленно рассказывать перед слушателями; возвращался к кафедре и слегка наклонялся вперед, цепко вглядываясь в аудиторию. В эти минуты он произносил что-то вроде такого: «Да, вы должны знать, особенно вы, студенты-радикалы, что вам есть чему поучиться у Джона Кальвина. Ведь он понимал то, о чем вы так часто забываете: настоящие социальные перемены рождаются не из того, что вы так любите называть активным протестом, и уж конечно, не из обожаемых вами теорий, но из двух вещей, которых вам так недостает (он суровел лицом): это организация

10 Ibid. P. 197.

11 Mosse G. L. *The Culture of Western Europe: The Nineteenth and Twentieth Centuries. An Introduction*. Chicago, 1961. Второе издание вышло в 1963 году в почтенном лондонском издательстве Джона Мюррея (его создатель прославился дружбой с Байроном). Третье (1974) и четвертое (1988) — снова вышли в США, а пятое (1997) — в Барселоне.

(тут он брал паузу, а потом с вызывающе-самодовольной усмешкой бросал) и чувство символического в политике!» Многие студенты говорили о том, что поразительное сочетание эрудиции и морально-политического вызова превращали лекции Моссе в настоящее событие¹².

Первые труды, посвященные «почтенным и магистральным предметам», принесли ему в 1956 году профессорское место в университете Мэдисон-Висконсин. Но и в Мэдисоне, где он проработал до пенсии и прожил до самой смерти в 1999 году, он продолжал ощущать себя эмигрантом. Однако здесь он перестал стремиться к ассимиляции и превратил свое самоощущение изгоя в аналитическое оружие, позволившее ему исследовать самые темные стороны европейской истории XX века — и его собственной истории.

Его волновали очень простые и одновременно очень трудные вопросы: почему две страны с такой богатой культурой, как Германия и Италия, оказались родиной фашизма; как объяснить широкую поддержку, которой пользовались режимы Гитлера и Муссолини; почему немало умных и образованных людей во всей Европе симпатизировали этим идеологиям; что заставляло либеральных евреев упорно стремиться к ассимиляции и игнорировать опасность нацизма, и так далее. Эти вопросы разрушали успокоительную веру в то, что фашизм был явлением локальным и кратковременным, а власть Гитлера и Муссолини держалась только на пропаганде и терроре. Моссе по своему опыту знал, что это не так, и не стыдился рассказывать о том, как мальчиком убежал из дома, чтобы послушать выступление Гитлера на митинге, и был захвачен чувством единства с воодушевленной толпой и харизмой фюрера¹³. Он собственными глазами видел, какой поддержкой пользовался фашизм, и хотел понять ее причины. Эта задача казалась ему не только интеллектуально, но и политически важной, поскольку масштабы денацификации в 1950-е годы были далеко не достаточными. Неготовность историков заниматься болезненными сюжетами играла на руку

12 *Breines P. Finding Oneself in History and Vice Versa: Remarks on "George's Voice" // German Politics and Society. Issue 57. Vol. 18. № 4 (Winter 2000). P. 9–10.*

13 *"Ich bleibe Emigrant": Gespräch mit George L. Mosse. S. 77.*

консервативным политикам, многие из которых начинали свою карьеру при свергнутых режимах.

Традиционные инструменты социальной, экономической и политической истории плохо подходили для ответа на вопросы, касавшиеся коллективного мировоззрения. Более плодотворной могла быть история идей или интеллектуальная история: традиция, к которой Моссе примкнул в первых же своих работах. В мемуарах он писал: «С самого начала я пытался применить к английской истории теоретические концепты, которые подсказывали мне мое немецкое происхождение и чуждый англичанам интерес к теории»¹⁴. Свои методологические симпатии он продемонстрировал еще в 1952 году в обзоре современной американской историографии, написанном им для немецкого журнала по всемирной истории: сетуя на то, что американские историки боятся теории и теологии, он надеялся на благотворное влияние эмигрантов из Европы — таких, как Эрнст Канторвич, Леонардо Ольшки, Пауль Кристеллер и Ганс Кон¹⁵. Сегодня их имена известны каждому студенту, но в 1952 году этот выбор традиционному американскому историку должен был показаться сомнительным, поскольку их трудно было назвать историками в строгом смысле слова. Этот обзор рано показал широту методологических установок Моссе, с одной стороны, и его расхождение с магистральной линией американской историографии — с другой.

Моссе во многих работах писал о том, насколько идеи для того, чтобы укорениться и распространиться, нуждаются в институционализации. История идей в США нашла опору в частном исследовательском университете Джона Хопкинса в Балтиморе, где работал Артур О. Лавджой, и в издававшемся с 1940 года под его редакцией “*Journal of the History of Ideas*”. Моссе отмечал заслуги Лавджоя, «превратившего историю идей в интеллектуальную историю»¹⁶, то есть перешедшего от изучения «больших идей» к исследованию того, как эти идеи распространялись и трансформировались при переходе из одной

14 Mosse G. L. *Confronting History*. P. 116.

15 Mosse G. L. *Die Amerikanische Geschichtsschreibung — Ein Überblick // Die Welt als Geschichte*. Bd. 12, 1952. S. 264–273.

16 Mosse G. L. *History, Anthropology, and Mass Movements // The American Historical Review*. 1969. Vol. 75. № 2. P. 447.

культуры в другую¹⁷. Метод Лавджоя был близок к европейской традиции исследования формально-содержательных констант: его *unit-ideas* (ядерные идеи) были интеллектуальным аналогом литературных топосов Эрнста Р. Курциуса, «формул пафоса» Аби Варбурга и мигрирующих образов, которые изучали в кругу Института Варбурга.

Все эти ученые были причастны к традиции культурной истории, развивавшейся в Европе с конца XIX века, но, в отличие от истории идей, не нашедшей институциональной опоры в США. Во второй половине 1940-х годов Моссе читал курс по культурной истории в университете Айовы и в лекционных конспектах определял ее как «довольно новое явление»¹⁸, восходящее к книге Якоба Буркхардта «Культура Возрождения в Италии» (1860). Культурная история, объяснял он своим студентам, это общее понятие, которое охватывает все стороны жизни, но он в своем курсе обещал сосредоточиться на центральной для нее теме — росте государства и его отношениях с индивидуумом. Действительно, эта тема была центральной для концепции Буркхардта, который рассматривал государство как часть культуры (одна из глав его книги о Возрождении называлась «Государство как произведение искусства»), и она же с неизбежностью должна была выйти на первый план в исследованиях фашизма.

Помимо чрезвычайно почитаемого им Буркхардта Моссе регулярно апеллировал к авторитету еще одного выдающегося культурного историка первой трети XX века — Йохана Хейзинги. В архиве Моссе сохранился неопубликованный доклад «Литература и история», датированный 1946–1952 годами, где он сожалел о том, что для Нового времени до сих пор не написано книги, подобной «Осени Средневековья» Хейзинги, и предлагал сделать основой для такого исследования массовую литературу, поскольку в ней лучше всего отражаются коллективные пред-

17 Одной из таких идей была «великая цепь бытия», которой посвящена самая известная книга Лавджоя “The Great Chain of Being: A Study of History of an Idea” (1936), переведенная на множество языков, включая русский (Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи / пер. с англ. В. Софронова-Антониони. М., 2001). Моссе использовал ее в своей истории расизма (см. ниже).

18 Цит. по: Plessini K. From Machiavellism to the Holocaust: The Ethical-Political Historiography of George L. Mosse. Inauguraldissertation der Philosophisch-historischen Fakultät der Universität Bern, 2008. P. 48. На диссертации основана книга: Plessini K. The Perils of Normalcy: George L. Mosse and the Remaking of Cultural History. Madison, 2014.

ставления о разных сторонах жизни. Оптимальным инструментом для анализа массовой литературы как исторического источника он назвал социологическое понятие стереотипа или «образа», потому что именно образы (как называл их Хёйзинга в главе о том, как религиозная мысль кристаллизуется в образах) обычно владеют мыслями и чувствами масс; это становится особенно очевидно в моменты социальных и экономических кризисов, но образы всегда присутствуют в том слое массового сознания, в который пытается проникнуть культурный историк. Ведь культурная история концентрируется в наборах образов и стереотипов, которые отражаются в литературе. Литературу мы при этом рассматриваем как продукт творчества не отдельного автора, а множества авторов, взятых в совокупности. Пойдя по этому пути, мы сможем написать культурную историю.¹⁹

Исследование истории таких стереотипов он сделал одним из своих главных методов, постепенно расширяя типы используемых источников: он изучал научные и псевдонаучные трактаты, посвященные вопросам расы и пола, физиогномические таблицы и планировку военных кладбищ – все это было полной экзотикой для социальных историков того времени.

Его первые работы по истории антисемитизма и нацизма – три статьи «Образ еврея в немецкой массовой культуре: Феликс Дahn и Густав Фрайтаг» (1957)²⁰, «Культура, цивилизация и немецкий антисемитизм» (1958)²¹ и «Мистические истоки национал-социализма» (1961)²² – были написаны на стыке интеллектуальной и культурной истории. Они обратили на себя внимание, и в 1963 году Моссе пригласили провести несколько месяцев в престижном Стэнфордском университете и выступить там главным докладчиком на семинаре по истории национал-социализма²³. Этот семинар наглядно показал, как далеко его

19 Цит. по: Plessini K. From Machiavellism to the Holocaust. P. 49.

20 Mosse G. L. The Image of the Jew in German Popular Culture: Felix Dahn and Gustav Freytag // Leo Baeck Institute. Year Book II. London, 1957. P. 218–227.

21 Mosse G. L. Culture, Civilization and German Antisemitism // Judaism. 1958. Vol. VII. № 3. P. 256–267.

22 Mosse G. L. The Mystical Origins of National Socialism // The Journal of the History of Ideas. 1961. Vol. XXII. № 1.

23 Конспект семинара хранится в архиве Моссе в Институте Лео Бека в Лондоне; обширные цитаты из доклада Моссе приведены в диссертации К. Плессини.

понимание истории разошлось с магистральной линией американской историографии.

Моссе изложил основные тезисы своих будущих книг о фашизме, сразу же предупредив, что будет рассматривать фашизм с точки зрения идеологии, которая, по его мнению, и обеспечила ему такую массовую поддержку. Ядром нацистской идеологии он назвал миф — в том значении, в котором это понятие употреблял французский политический философ рубежа веков Жорж Сорель, первым заговоривший о важности мифов для управления массой. Мифом Сорель, а вслед за ним и Моссе, называл сильные коллективные верования, определяющие поведение больших групп людей. Моссе утверждал, что в таких мифах рационализируются и находят объекты для своего выражения глубинные страхи и надежды масс. Фашисты построили свою пропаганду на мифе народа (*Volk*), в который верил и сам Гитлер, и его однопартийцы, и широкие массы, которые обрели в этом мифе спасение от неуверенности и надежду на будущее величие германской нации. Моссе предостерегал от попыток объяснить приход к власти национал-социалистов только экономическими обстоятельствами или интерпретировать фашистскую идеологию, исходя из рациональной политической модели: фашизм репрезентировал себя не как идеологию, а как мировоззрение, и апеллировал к иррациональным чувствам масс, поэтому, чтобы его понять, нужно попытаться посмотреть на него изнутри.

Готовность Моссе изучать фашизм, реконструируя его внутреннюю логику, и при первой возможности проверять свое видение у носителей этой идеологии (так он много лет общался с главным архитектором Гитлера Альбертом Шпеером и выразил ему благодарность в «Национализации масс»), шокировала многих: итальянский исследователь фашизма Эмилио Джентиле даже назвал свою интеллектуальную биографию Моссе «Стокгольмский синдром»²⁴. Однако Моссе был уверен в том, что отчуждающий и осуждающий взгляд может позволить себе мора-

24 *Gentile E. Il fascino del persecutore: George L. Mosse e la catastrofe dell'uomo moderno.* Roma, 2007. Джентиле — автор классического исследования итальянского фашизма: *Gentile E. Il culto dell'ittorio: La sacralizzazione della politica nell'Italia fascista.* Roma, 1993. Джентиле и другой выдающийся итальянский историк фашизма Ренцо Де Феличе сильно способствовали немедленной и доброжелательной рецепции книг Моссе в Италии, на много лет опередившей его признание в США и Германии.

лист, но не историк. В мемуарах он писал, что поиски причин Холокоста были жизненно важны для него не только с научной, но и с человеческой точки зрения: ему нужно было их понять, «чтобы обрести душевный покой»²⁵. Книгу об «окончательном решении» нацистами еврейского вопроса он писал, обсуждая ее на семинарах со своими студентами в Еврейском университете Иерусалима, где с 1969-го по 1985 год он преподавал один семестр в году.

Участники стэнфордского семинара были больше всего возмущены подходом Моссе к материалу: историки-позитивисты отрицали самую возможность отдавать преимущество идеологии, тем более иррациональной, перед такими социально-политическими и экономическими факторами, как поражение в войне и Великая депрессия. Отрицание было таким единодушным и безапелляционным, что Моссе спросили, не чувствует ли он себя как христианин среди львов. Он отвечал, что понятия не имеет, как они себя чувствовали, и поблагодарил всех участников за плодотворную дискуссию²⁶.

В следующем году вышла его монография «Кризис немецкой идеологии: интеллектуальные истоки Третьего Рейха» (1964). Ее методология была обозначена в названии: это был образец интеллектуальной истории, но в его основе лежали нетрадиционные источники – от массовых романов до теософских расовых теорий. Моссе проследил глубинную связь нацистской идеологии с националистическим мировоззрением, сформировавшимся на протяжении всего предшествующего столетия. Миф немецкого народа (*Volk*) зародился в эпоху антинаполеоновских войн в тесной связи с романтической культурой с ее интересом к мифологии и увлечением германской древностью, а во второй половине XIX века соединился с расовыми теориями и с традиционным немецким антисемитизмом. В кайзеровской Германии это мировоззрение нашло плодородную почву в университетских кругах и в различных мужских союзах: из кружков интеллектуалов миф перешел в буржуазную среду. После поражения в Первой мировой войне националистическая идеология обрела широкую поддержку среди ветеранов и рабочих, превратившись

25 Mosse G. L. *Confronting History. A Memoir*. P. 219.

26 Plessini K. *From Machiavellism to the Holocaust*. P. 214.

из буржуазного мировоззрения в анти-буржуазное. Гитлеру оставалось внести финальный аккорд, трансформировав анти-буржуазный настрой в анти-еврейскую революцию. В заключении Моссе подчеркнул важность иррациональной составляющей в мировоззрении масс и потребность идеологии в конкретных формах и объектах, более близких и понятных массам, чем абстрактные идеи:

Жорж Сорель с презрением говорил о том, что интеллектуалы вечное не понимают, что им делать с религией как историческим феноменом. Они не могут ни отрицать, ни объяснить ее историческую значимость. Он утверждал, что людьми движут иррациональные мифы, притягательность которых не зависит от того — истинны они или ложны. Неудивительно, что фашисты вдохновлялись трудами Сореля. Но даже самая иррациональная религия должна выражаться в определенных формах, чтобы быть эффективной. Чтобы руководить массами, идеология должна найти для себя объекты. В конечном счете внешние формы могут стать настолько важными, что они начнут определять содержание веры. Именно это и произошло в Германии: идеология обрела объекты, а власть перешла к вождю. Более того, дисциплина и организация, на которых настаивал Гитлер, а вовсе не фанатизм, не только помогли найти объекты для идеологии, но и легли в основу чрезвычайно эффективной политики. Так называемые вечные ценности природы, народа (*Volk*) и расы были сопряжены с конкретными объектами, которыми сознательно управляли лидеры²⁷.

В этом заключении намечены темы его будущих исследований, в которых речь пойдет не только об идеях, но и об образах и формах, с которыми они сопряжены. Два года спустя он выпустил книгу «Нацистская культура. Интеллектуальная, культурная и социальная жизнь Третьего Рейха» (1967)²⁸, где собрал массу оригинальных свидетельств той эпохи. Говорить о существовании у нацизма своей культуры в то время было не принято, но

27 Mosse G. L. *The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich*. New York, 1964. P. 316–317.

28 Mosse G. L. *Nazi Culture: Intellectual, Cultural and Social life in the Third Reich*. Madison, 1966.

Моссе это не смущало; не зря Эмилио Джентиле назвал его «агентом-provokатором» в историографии фашизма, чьи работы опрокидывали общепризнанные в то время интерпретации²⁹. В этой книге понятие «идеологии» ушло на второй план, уступив главную роль метафоре литургии. Моссе показал, как в нацистской культуре миф народного единства стал частью социальной драматургии благодаря митингам, праздникам и различного рода массовым церемониям, а религиозный характер нацистского мировоззрения придал этим коллективным действиям литургический характер. И в предисловии к «Культуре нацизма», и в вышедшей в том же году программной статье «Генезис фашизма», напечатанной в первом номере только что созданного под его редакцией «*Journal of Contemporary History*»³⁰, Моссе подчеркивал религиозную природу фашизма, благодаря которой это мировоззрение так хорошо отвечало иррациональным страхам и надеждам толпы, консервативной по самой своей природе.

В следующей монографии — «Национализация масс: политический символизм и массовые движения в Германии от наполеоновских войн до Третьего Рейха» (1975)³¹ — он реконструировал ту же историю формирования националистического мировоззрения, что и в «Кризисе идеологии», но под новым углом, описав эстетику и визуальный язык национализма. Он начал с возникновения национального стиля в архитектуре конца XVIII — начала XIX века, когда за основу была взята греческая дорика, которой попытались придать «типично немецкую» мощь и монументальность. Вслед за этим патриоты принялись воздвигать памятники национальным героям, а поскольку нигде, кроме Баварии, инициативы такого рода не пользовались поддержкой властей, средства на них нередко приходилось собирать по подписке, что оказалось полезным опытом коллективного действия. На помощь искусству призывали природу: усилить

29 Gentile E. A Provisional Dwelling: Origin and Development of the Concept of Fascism in Mosse's Historiography // *What History Tells: George L. Mosse and the Culture of Western Europe* / eds. S. Payne, D. Sorkin, J. Tortorice. Madison, 2004. P. 52. См. также: Herf J. The Historian as Provocateur: George Mosse's Accomplishment and Legacy // *Yad Vashem Studies*. 2001. Vol. 29. P. 7–27.

30 Mosse G. L. The Genesis of Fascism // *The Journal of Contemporary History*. 1966. Vol. 1. № 1. P. 14–26.

31 Mosse G. L. *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich*. New York, 1975.

национальный дух дорических зданий и классицистических статуй помогли типично немецкие пейзажи. Пространства вокруг новых памятников использовали для массовых патриотических празднеств — с факельными шествиями в исторических костюмах, речами, хорами и народными танцами. Стремление к объединению Германии находило выход в создании мужских союзов — гимнастические и стрелковые общества и мужские хоры культивировали дух национальной общности. На первом этапе — от Освободительной войны (1813–1814) до объединения Германии — многие из этих инициатив власти едва терпели, а иногда и прямо запрещали, как это случилось с гимнастическим движением. В кайзеровской Германии патриотический энтузиазм утратил свой главный стимул, а инициативы «сверху» пользовались меньшей популярностью, чем стихийные. Националистическое мировоззрение продолжали подпитывать оперы Рихарда Вагнера и различные виды массовых театрализованных действий с участием все тех же мужских союзов. Все эти инициативы охватывали главным образом буржуазию, в то время как наибольшего успеха в мобилизации масс в конце XIX — начале XX века удалось добиться рабочему движению с его многотысячными первомайскими демонстрациями, но до Первой мировой войны рабочее движение было не националистическим, а интернационалистским по духу. Нацисты учли опыт патриотических организаций и рабочего движения, а затем поглотили и уничтожили все независимые объединения. Консервативные вкусы Гитлера совпадали с консервативными вкусами масс: нацисты успешно использовали визуальный язык и эстетику, сложившиеся за предыдущий век развития национализма.

Однако все эти процессы были характерны не только для фашизма: Моссе утверждал, что они являются частью «новой политики». При помощи этого понятия он описывал политический стиль, сформировавшийся после индустриальной революции и возникновения массового общества. Распад традиционного жизненного уклада и ощущение ускоряющегося времени вызывали пугающее чувство нестабильности, избавления от которого искали в мифах — вначале в идее «общей воли», предложенной Руссо, а затем в идее национального единства. Начиная с Великой французской революции такие мифы вошли в ядро новой светской религии и определили основной нерв социальной драмы.

Участие в коллективных ритуалах литургического характера (патриотические праздники, шествия, митинги и т. п.) заменяло реальное участие в политическом процессе. «Новой политикой» пользовались правые и левые, националисты и сионисты; у Гитлера и Муссолини она достигла апогея, но не исчезла и после падения их режимов. Моссе закончил книгу предостережением:

История прошлого всегда современна. Проанализированный нами огромный спектакль не так уж далек от тех дилемм, которые стоят перед нами. В этой книге описано прошлое, которое, по мнению большинства, закончилось вместе со Второй мировой войной. На самом деле это по-прежнему современная история.³²

В исследовательской литературе распространено мнение о том, что «Национализация масс» стала результатом визуального и антропологического «поворота», которые Моссе пережил во второй половине 1960-х годов, опередив на несколько лет общие тенденции развития историографии³³. Любопытно, однако, что в книге Питера Бёрка “What is Cultural History?” (2008)³⁴, где описаны различные «повороты» исторической науки, ни одна работа Моссе не упомянута³⁵. «Забывчивость» Бёрка кажется нам вполне закономерной: дело, скорее всего, в том, что Моссе не укладывался в его концепцию развития культурной истории, согласно которой старая традиция, восходящая к Буркхардту, исчерпала себя к середине XX века, потесненная вначале социальной историей культуры, а затем «новой культурной историей» с ее интересом к народной культуре, к антропологии и визуальности. Работы Моссе, напротив, легко встраиваются в линию, восходящую к Буркхардту, продолженную Хёйзингой и Варбургом и сохраненную «рассеянной плеядой» ученых, вынужденных из-за своего еврейского происхождения покинуть Германию и нашедших пристанище главным образом в Великобритании и США.

32 Mosse G. L. *The Nationalization of the Masses*. P. 216.

33 Этой точки зрения придерживаются К. Плессини и Э. Джентиле.

34 Русский перевод: Бёрк П. Что такое культуральная история? / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Лазарева. М., 2015.

35 Правда, после того, как К. Плессини указала на это упущение, Берк написал статью о Моссе для «The Journal of Contemporary History» (Моссе был причастен к его созданию и долгие годы был одним из его главных редакторов): Burke P. *Cultural History, Ritual and Performance: George L. Mosse in Context* // *Journal of Contemporary History*. 2021. Vol. 56. № 4.

Моссе можно назвать младшим представителем этой плеяды, удаленным от нее биографически (дружбой и очень дальним родством он был связан только с Эрнстом Канторовичем) и тематически: большая часть этих ученых занималась историей искусства — от Византии до барокко, а не новейшей историей. С другой стороны, его сближало с ними, во-первых, широкое понимание культуры, типичное для антропологов (английский антрополог Эдвард Тайлор еще в 1871 году предложил понимать под культурой «многосоставное целое, включающее в себя знания, верования, искусство, мораль, законы и все прочие навыки и обычаи, усваиваемые человеком в социуме»³⁶), во-вторых, интерес к иррациональной составляющей культуры, к мифам и символам, определяющим поведение человека (сам Моссе ссылался в качестве образца на Эрнста Кассирера, утверждая, что его книга «Миф государства» «заманчиво близка» к анализу массовой политики³⁷), и, в-третьих, стремление находить глубинные параллели между культурой разных эпох. В его библиотеке было много работ по истории барокко, изданных в основном в конце 1950-х годов, когда он еще занимался Реформацией, с пометами, указывающими на то, что он интересовался театральностью барочной архитектуры и литургии, а также культом мучеников и религиозных изображений в эпоху Контрреформации — темы, которые впоследствии возникнут в его книгах о фашизме и о культе павших солдат³⁸. В 1950-е годы он несколько раз ездил в Рим, где пышные барочные церкви соседствуют с внушительными образцами фашистской архитектуры, а в 1970-е годы расспрашивал Шпеера о возможной связи между театральностью барокко и фашистских коллективных торжеств.

36 Tylor E. Primitive Culture. Vol. 1. London, 1871. P. 1.

37 Mosse G. L. German Jews Beyond Judaism. Bloomington; Cincinnati, 1985. P. 54. В этой же брошюре Моссе демонстрирует прекрасное знание наследия Аби Варбурга — еще одной ключевой фигуры для развития культурной истории. См. также ссылки на авторитет Кассирера в: Mosse G. L. History, Anthropology, and Mass Movements. P. 448. Эту яркую рецензию, в которой Моссе призывал историков не игнорировать антропологию, Плессини трактует как свидетельство «антропологического поворота» Моссе. Однако ссылки на Кассирера, на наш взгляд, говорят о том, что самому Моссе этот подход был близок с самого начала («Миф государства» Кассирера вышел в 1946 году — именно тогда, когда Моссе работал над диссертацией о власти суверена).

38 Об интересе Моссе к книгам по истории барокко и о его подчеркиваниях в них см.: Plessini K. From Machiavellism to the Holocaust. P. 97–98.

В мемуарах он писал, что, еще преподавая в Айове во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов, пришел «к тому, что иногда называют историей ментальностей, а вернее, к разновидности культурной истории, которую пытался переделать на свой лад, изучая восприятие, мифы, символы и их влияние на людей»³⁹, а «Национализацию масс» считал «настоящим прорывом», благодаря которому ему «удалось внести уникальный вклад в культурную историю»⁴⁰. В книге, посвященной судьбам еврейских интеллектуалов, бежавших из Германии, Стивен Ашхейм пишет о Моссе и Петере Гее как о представителях второго поколения историков-эмигрантов, которые буквально переизобрели немецкую культурную и интеллектуальную историю и изменили наше представление о ней. Они сделали это в 1960-е годы, задолго до «лингвистического поворота», на иных эпистемологических основаниях и с гораздо большим вниманием к контексту, чем у возникшей позже «новой культурной истории» с ее «конструктивизмом» и упором на текстуальность.⁴¹

На наш взгляд, настоящим теоретическим открытием для Моссе стала не антропология, и не визуальная культура, интерес к которым был нормой для европейских культурных историков, а философия Франкфуртской школы, которой он всерьез заинтересовался во время студенческих протестов конца 1960-х годов. Ссылка на Герберта Маркузе появилась в финале его «Национализации масс», но наиболее сильное влияние на его книги «Путь к окончательному решению еврейского вопроса: история европейского расизма» (1978)⁴², «Национализм и сексуальность» (1985)⁴³ и «Образ мужчины» (1997) оказала книга Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно «Диалектика Просвещения» (1944). С методологической точки зрения эти три книги Моссе представляют собой результат скрещения традиционной культурной истории с концепцией Хоркхаймера и Адорно, принятой за вычетом ее марксистской и фрейдистской составляющих: марксистский

---

39 Mosse G. L. *Confronting History*. P. 136.

40 *Ibid.* P. 177.

41 *Aschheim S. Beyond the Border: The German-Jewish Legacy Abroad*. Princeton and Oxford, 2007. P. 46.

42 Mosse G. L. *Toward the Final Solution: A History of European Racism*. New York, 1978.

43 Mosse G. L. *Nationalism and Sexuality: Middle-Class Morality and Sexual Norms in Modern Europe*. New York, 1985.

детерминизм был Моссе глубоко чужд, а для исследования психологии масс Юнг казался ему более подходящим, чем Фрейд. Результатом этого скрещения стала стройная концепция, поддержанная богатым и оригинально подобранным историческим материалом, и свобода от теоретического догматизма, которым нередко страдают представители *cultural studies*, превратившие философию Франкфуртской школы в канон.

Судя по всему, интерес к «Диалектике Просвещения» у Моссе был не только научным, но и человеческим: разоблачение лицемерия буржуазного общества, трансформировавшего идеалы в товар или инструмент контроля за свободой индивидуума, как и попытка всестороннего анализа социально-экономических и психологических основ антисемитизма, а также причин, толкавших либеральных евреев к ассимиляции, — все это не могло не найти отзвук в трудном самоощущении человека, который десятилетиями должен был притворяться «таким, как все». Последовательная критика понятия *respectability* (соответствие приличиям), столь важного для буржуазной этики и образа жизни, в книгах «Национализм и сексуальность» и «Образ мужчины», несомненно, подкреплялась личным опытом Моссе.

Он заимствовал у Хоркхаймера и Адорно базовую концепцию, согласно которой Просвещение, стремясь освободить человека от страхов и предрассудков и заменить ложные истины религии наукой, а веру — разумом, в итоге само породило множество мифов и стереотипов. После того, как эти мифы и стереотипы соединились с тенденцией ограничения индивидуальной свободы и отказом от рефлексии, Просвещение превратилось в свою противоположность. При этом «причину регресса Просвещения в мифологию следует искать не столько в специально придуманных с целью регресса националистических, языческих и прочих современных мифологиях, сколько в самом парализованном страхе перед истиной Просвещения»⁴⁴. Стремление к ясному и всеобъемлющему объяснению мира при помощи науки порождало системы, приобретающие силу закона. Все, что не укладывалось в эти системы, вытеснялось на обочину общества и объявлялось средоточием зла. Одним из главных средоточий

44 Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения: Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб., 1997. С. 11.

зла стал еврей, на которого были перенесены подавленные Просвещением страхи и желания. Найти защиту от этого вытеснения еврей мог только в государстве и сильной власти, с которой он и пытался себя отождествить.

В книге «Путь к окончательному решению еврейского вопроса» Моссе применил эту концепцию к истории расизма. Родившаяся в эпоху Просвещения новая наука — физическая антропология, стремясь к классификации и систематизации, разделила человечество на расы. Возникший в ту же эпоху идеал красоты материализовался в образе греческой скульптуры и позволил выстроить эти расы в иерархию. На помощь пришли псевдонауки — физиогномика, связавшая характер человека с его внешностью, и френология, объяснявшая ум и характер человека исходя из формы его черепа. В результате измерений так называемого «лицевого угла» (отклонение профиля от вертикали), при котором за идеал была взята греческая скульптура, на вершине иерархии оказалась белая раса, а черная в «великой цепи бытия» стала промежуточным звеном между человеком и человекообразной обезьяной. В XIX веке антропологию соединили с мифологией, чтобы усложнить расовую иерархию: так возникла теория арийской расы, превосходящей все остальные. Достоинства представителей этой расы совпали с идеалом буржуазной добропорядочности: арийцам приписали ум, честность и трудолюбие, а также мужество, силу и красоту. С физической антропологией конкурировала историческая лингвистика, систематизировавшая все языки и выстроившая их иерархию в зависимости от близости к санскриту — предполагаемому языку древних арийцев. Различные расовые иерархии, основанные на физической антропологии или на исторической лингвистике, комбинировались с историей для доказательства исторического превосходства той или иной нации. Тяга к мистическому и иррациональному, не побежденная Просвещением, нашла выход в оккультных учениях, маскировавшихся под науку: и они пошли в ход при дальнейшем развитии расовых теорий. Дарвиновское учение об эволюции и естественном отборе было перенесено на общество и применено для объяснения социальных и политических конфликтов: так возникла концепция вырождения и теория расовой борьбы. Открытия в области медицины и биологии привели к появлению евгеники — науки об улучшении чело-

веческой породы путем селекции, которая готовила почву для расовых «чисток». Постоянными антигероями расовой теории были евреи, выбывавшиеся из расовой классификации, и негры, занимавшие в ней низшую ступень. Поскольку негров в Европе было немного, основные страхи современного общества конца XIX — начала XX века — боязнь вырождения и проигранной социальной или сексуальной конкуренции — были спроецированы на фигуру еврея. Своего пика эти страхи достигли в побежденной Германии, где и так был традиционно силен антисемитизм: в итоге расовые теории обеспечили рациональную и научную базу для геноцида и лишили жертв индивидуальности, превратив их из людей в «асоциальные элементы».

В «Образе мужчины» Моссе прослеживает эту же историю, но под другим углом. История стереотипа «настоящего мужчины» была еще больше, чем расовая теория, зависима от эстетики и культа красоты. Положенный в основу этого культа винкельмановский идеал «благородной простоты и спокойного величия» соединял красоту внешнюю и внутреннюю, эстетику и этику. История того, как этот гармонический идеал превратился в стереотип, который ограничил свободу личностного роста и стал оружием против всех, кто ему не соответствовал, подтверждала концепцию Адорно и Хоркхаймера.

Этическая составляющая стереотипа мужественности формировалась между двумя полюсами — мирной буржуазной «респектабельностью» и воинственностью мужчины-солдата. «Образу мужчины» предшествовала еще одна книга — «Павшие солдаты: переделка памяти о мировых войнах»⁴⁵, в которой Моссе проследил историю воинского стереотипа в связи с темой героической смерти. И снова траектория развития этого стереотипа началась в эпоху Великой французской революции, когда впервые был героизирован образ добровольца, идущего воевать за Отчизну. Поэтизация этого образа произошла в ходе Освободительной войны в Германии и движения за независимость Греции от турецкого владычества, чему немало способствовала героическая гибель участвовавших в этих кампаниях поэтов — Карла Теодора Кернера и особенно лорда Байрона. Однако простые солдаты долго воспринимались как безымянная масса, не заслуживавшая

45 Mosse G. L. *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. New York, 1990.

памятников и надгробий. Первые военные кладбища, на которых солдаты были уравнины в правах с офицерами, появились во время Гражданской войны в США, а в Европе такая модель военных кладбищ широко распространилась только в Первую мировую войну. Тогда же расцвели представление о войне как о школе мужества и культ боевого товарищества. И именно эта война с ее неслыханным масштабом человеческих жертв привела к тривиализации смерти и милитаризации политики. Гитлер и Муссолини активно использовали память о Первой мировой войне в своей пропаганде, а образ мужчины-воина — в мифологии «нового мужчины-фашиста». В итоге идеал добровольца прошел тот же путь, что и многие другие идеалы Просвещения.

В целом можно сказать, что все книги Моссе, посвященные истории современного общества, на разном материале и под разным углом доказывают один и тот же главный тезис: фашизм не был экзотическим явлением, чуждым европейской цивилизации, выросшей на идеях Просвещения. Эти же идеи, возведенные в абсолютный принцип, подавляют свободу человека и лишают его индивидуальности, сводя мышление к набору готовых стереотипов. Оперирование стереотипами и отказ от рефлексии дают иллюзию освобождения от страхов и сомнений и позволяют ощутить себя частью большого целого. Направление движения этого целого зависит от различных факторов, но современное просвещенное общество рискует поддаться иррациональным страхам или увлечься харизмой вождя ничуть не меньше, чем непросвещенное. Моссе хорошо понимал, как тонка грань, отделяющая здоровее общество от больного, и считал, что долг историка — не позволять людям об этом забыть. Как писал Эмилио Джентиле, Моссе был убежден в том, что «знание истории должно быть не самоцелью, а инструментом для формирования гражданского сознания современного человека, дающим ему возможность противостоять соблазнам мифов, стереотипов и демагогов»⁴⁶.

---

46 *Gentile E. Il fascino del persecutore. P. 185.*

 ЛИТЕРАТУРА

- Бёрк П. Что такое культуральная история? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 240 с.
- Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи / пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения: Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
- Aschheim S. Beyond the Border: The German-Jewish Legacy Abroad. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2007. 194 p.*
- Breines P. Finding Oneself in History and Vice Versa: Remarks on "George's Voice" // German Politics and Society. 2000. Issue 57. Vol. 18. № 4. P. 3-17.*
- Burke P. Cultural History, Ritual and Performance: George L. Mosse in Context // Journal of Contemporary History. 2021. Vol. 56. № 4. P. 864-877.*
- Gentile E. A Provisional Dwelling: Origin and Development of the Concept of Fascism in Mosse's Historiography // What History Tells. George L. Mosse and the Culture of Western Europe / eds. S. Payne, D. Sorkin, J. Tortorice. Madison: University of Wisconsin Press, 2004. P. 41-109.*
- Gentile E. Il fascino del persecutore. George L. Mosse e la catastrofe dell'uomo moderno. Roma: Carocci, 2007. 176 p.*
- Green M. The Adventurous Male: Chapters in the History of the White Male Mind, University Park, Pa.: Pennsylvania State University Press, 1993. 245 p.*
- Herf J. The Historian as Provocateur: George Mosse's Accomplishment and Legacy // Yad-Vashem Studies. 2001. Vol. 29. P. 7-27.*
- Kraus E. Die Familie Mosse: deutsch-jüdisches Bürgertum im 19. und 20. Jahrhundert. München: C. H. Beck Verlag, 1999. 793 p.*
- Mosse G. L. Confronting History: A Memoir. Madison: University of Wisconsin Press, 2000. 219 p.*
- Mosse G. L. Culture, Civilization and German Antisemitism // Judaism. 1958. Vol. VII. № 3. P. 256-267.*
- Mosse G. L. Die Amerikanische Geschichtsschreibung – Ein Überblick // Die Welt als Geschichte. 1952. Bd. 12. S. 264-273.*
- Mosse G. L. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. New York; Oxford University, 1990. 264 p.*
- Mosse G. L. German Jews Beyond Judaism. Bloomington; Cincinnati: Indiana University Press, 1985. 112 p.*
- Mosse G. L. History, Anthropology, and Mass Movements // The American Historical Review. 1958. Vol. VII. № 3. P. 447-452.*
- Mosse G. L. Nationalism and Sexuality: Middle-Class Morality and Sexual Norms in Modern Europe. New York: University of Wisconsin Press, 1985. 250 p.*
- Mosse G. L. Nazi Culture: Intellectual, Cultural and Social life in the Third Reich. Madison: W. H. Allen, 1966. 386 p.*
- Mosse G. L. The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich. New York: Schocken, 1964. 388 p.*
- Mosse G. L. The Genesis of Fascism // The Journal of Contemporary History. 1966. Vol. I. № 1. P. 14-26.*

- Mosse G. L. The Image of the Jew in German Popular Culture: Felix Dahn and Gustav Freytag // Leo Baeck Institute: Year Book II. London, 1957. P. 218–227.
- Mosse G. L. The Mystical Origins of National Socialism // The Journal of the History of Ideas. 1961. Vol. XXII. № 1. P. 81–96.
- Mosse G. L. The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich. New York: Howard Fertig, 1975. 252 p.
- Mosse G. L. Toward the Final Solution: A History of European Racism. New York: Howard Fertig, 1978. 277 p.
- Mosse G. L. On the occasion of his retirement. 17.06.1985. Jerusalem: Koebner Chair of German History; The Hebrew University of Jerusalem, 1986. 40 p.
- Plessini K. From Machiavellism to the Holocaust: The Ethical-Political Historiography of George L. Mosse: Inauguraldissertation der Philosophisch-historischen Fakultät der Universität Bern. 2008. 301 p.
- Plessini K. The Perils of Normalcy: George L. Mosse and the Remaking of Cultural History. Madison: University of Wisconsin Press, 2014. 296 p.
- Tylor E. Primitive Culture. Vol. 1. London: John Murray, Albemarle Street, 1871.

REFERENCES

- Burke P. Chto takoe kul'tural'naja istorija? Moscow: HSE Publishing House, 2015. 240 p. In Russian.
- Lovejoy A. Velikaja cep' bytija: Istorija idei. Moscow: House of intellectual books, 2001. 376 p. In Russian.
- Horkheimer M., Adorno T. Dialektika prosveshhenija. Filosofskie fragment. Moscow – Saint-Petersburg: Medium Publ., Juventa Publ., 1997. 312 p. In Russian.
- Aschheim S. Beyond the Border: The German-Jewish Legacy Abroad. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2007. 194 p.
- Breines P. Finding Oneself in History and Vice Versa: Remarks on "George's Voice" // German Politics and Society. 2000. Issue 57. Vol. 18. № 4. P. 3–17.
- Burke P. Cultural History, Ritual and Performance: George L. Mosse in Context // Journal of Contemporary History. 2021. Vol. 56. № 4. P. 864–877.
- Gentile E. A Provisional Dwelling: Origin and Development of the Concept of Fascism in Mosse's Historiography // What History Tells. George L. Mosse and the Culture of Western Europe / eds. S. Payne, D. Sorkin, J. Tortorice. Madison: University of Wisconsin Press, 2004. P. 41–109.
- Gentile E. Il fascismo del persecutore. George L. Mosse e la catastrofe dell'uomo moderno. Roma: Carocci, 2007. 176 p.
- Green M. The Adventurous Male: Chapters in the History of the White Male Mind, University Park, Pa.: Pennsylvania State University Press, 1993. 245 p.
- Herf J. The Historian as Provocateur: George Mosse's Accomplishment and Legacy // Yad-Vasem Studies. 2001. Vol. 29. P. 7–27.
- Kraus E. Die Familie Mosse: deutsch-jüdisches Bürgertum im 19. und 20. Jahrhundert. München: C. H. Beck Verlag, 1999. 793 p.

- Mosse G. L. *Confronting History: A Memoir*. Madison: University of Wisconsin Press, 2000. 219 p.
- Mosse G. L. *Culture, Civilization and German Antisemitism // Judaism*. 1958. Vol. VII. № 3. P. 256–267.
- Mosse G. L. *Die Amerikanische Geschichtsschreibung – Ein Überblick // Die Welt als Geschichte*. 1952. Bd. 12. S. 264–273.
- Mosse G. L. *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. New York; Oxford University, 1990. 264 p.
- Mosse G. L. *German Jews Beyond Judaism*. Bloomington; Cincinnati: Indiana University Press, 1985. 112 p.
- Mosse G. L. *History, Anthropology, and Mass Movements // The American Historical Review*. 1958. Vol. VII. № 3. P. 447–452.
- Mosse G. L. *Nationalism and Sexuality: Middle-Class Morality and Sexual Norms in Modern Europe*. New York: University of Wisconsin Press, 1985. 250 p.
- Mosse G. L. *Nazi Culture: Intellectual, Cultural and Social life in the Third Reich*. Madison: W. H. Allen, 1966. 386 p.
- Mosse G. L. *The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich*. New York: Schocken, 1964. 388 p.
- Mosse G. L. *The Genesis of Fascism // The Journal of Contemporary History*. 1966. Vol. I. № 1. P. 14–26.
- Mosse G. L. *The Image of the Jew in German Popular Culture: Felix Dahn and Gustav Freytag // Leo Baeck Institute: Year Book II*. London, 1957. P. 218–227.
- Mosse G. L. *The Mystical Origins of National Socialism // The Journal of the History of Ideas*. 1961. Vol. XXII. № 1. P. 81–96.
- Mosse G. L. *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich*. New York: Howard Fertig, 1975. 252 p.
- Mosse G. L. *Toward the Final Solution: A History of European Racism*. New York: Howard Fertig, 1978. 277 p.
- Mosse G. L. *On the occasion of his retirement*. 17.06.1985. Jerusalem: Koebner Chair of German History, The Hebrew University of Jerusalem, 1986. 40 p.
- Plessini K. *From Machiavellism to the Holocaust: The Ethical-Political Historiography of George L. Mosse: Inaugural dissertation der Philosophisch-historischen Fakultät der Universität Bern*. 2008. 301 p.
- Plessini K. *The Perils of Normalcy: George L. Mosse and the Remaking of Cultural History*. Madison: University of Wisconsin Press, 2014. 296 p.
- Tylor E. *Primitive Culture*. Vol. 1. London: John Murray, Albemarle Street, 1871.